

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА /
THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.46.7>

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА НА ГРУЗИНСКИЙ ЯЗЫК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЕДИНИЦ
СКАЗОК А.С. ПУШКИНА

Научная статья

Сичинава Н.Г.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0007-8049-3288;

¹ Государственный университет Акакия Церетели, Кутаиси, Грузия

* Корреспондирующий автор (nelli.sichinava[at]yandex.ru)

Аннотация

В работе рассматривается проблема межнациональной коммуникации при переводе поэтического текста, насыщенного лингвокультурными единицами. Материалом для анализа послужили варианты грузинских переводов сказок А.С. Пушкина. Обозначены факторы, влияющие на достижение успешного межкультурного взаимодействия, в основе которого лежат лингвокультурная компетенция переводчика и прагматические преобразования текста. Проанализирован диапазон способов экспликации лингвокультурем сказок А.С. Пушкина. На основе анализа переводческих стратегий были выявлены наиболее удачные приемы, способствующие адекватной передаче текста оригинала и максимально полному воспроизведению в переводе коммуникативной функции исходного текста. Исследование проводилось на основе сравнительно-сопоставительного, контекстуального и лексикографического анализа.

Ключевые слова: художественный перевод, лингвокультурная единица, реалия, межкультурная коммуникация, прагматические преобразования.

A PRAGMATIC ASPECT OF TRANSLATING INTO GEORGIAN LINGUOCULTURAL UNITS OF A.S.
PUSHKIN'S FAIRY TALES

Research article

Sitchinava N.G.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0007-8049-3288;

¹ Akaki Tsereteli State University, Kutaisi, Georgia

* Corresponding author (nelli.sichinava[at]yandex.ru)

Abstract

The work examines the problem of interethnic communication in translating a poetic text filled with linguocultural units. The material for the analysis is Georgian translations of A.S. Pushkin's fairy tales. The factors influencing the achievement of successful intercultural interaction based on the translator's linguocultural competence and pragmatic transformations of the text are outlined. The range of ways of expressing linguocultures of A.S. Pushkin's fairy tales has been analysed. On the basis of the analysis of translation strategies, the most successful techniques were identified, which contribute to the adequate rendering of the original text and the fullest possible reproduction of the communicative function of the source text in translation. The study was carried out on the basis of comparative, contextual and lexicographical analyses.

Keywords: literary translation, linguocultural unit, reality, intercultural communication, pragmatic transformations.

Введение

Передача культурного своеобразия художественного произведения представляет собой одну из важных проблем переводческой деятельности. Современные исследования в области лингвокультурологии и межкультурной коммуникации обогатили теорию перевода новыми идеями в вопросах транспонирования эксплицитных и имплицитных смыслов исходного текста в текст перевода. Асимметрия между культурными знаками исходного и переводящего языков актуализировала понятие лингвокультурного компонента, включающего в себя знание национально-маркированных языковых единиц (реалий, фоновой и коннотативной лексики), грамматических и стилистических норм, доминантных особенностей коммуникативного поведения, а также культурных концептов и их презентации в языке.

С.Г. Воркачев приветствует появление в переводоведении термина «транслят», по его мнению, закономерно пришедшего на смену термину «перевод», привязанного преимущественно к содержательной и формальной (стилистической) адекватности текста-оригинала и текста-перевода. Выступая посредником в диалоге культур, переводчик «должен быть как минимум «бикультурен», что позволит ему при «трансляции» лингвоконцептов сопрягать значение имен-квазиэквивалентов с их контекстуальным смыслом, причем контекст здесь стремится к бесконечности и в своем пределе может быть равнозначен контексту культуры в целом» [4, С. 79].

Адекватность перевода в значительной степени зависит от степени совпадения лингвокультурологических компетенций автора как носителя языка, на котором создан первичный текст, и переводчика как представителя другого языка и культуры. Данный подход основывается на самом определении художественного текста, который Л.Г. Бабенко рассматривает как «словесное художественное произведение, представляющее реализацию концепции автора, созданную его творческим воображением индивидуальную картину мира, воплощенную в ткани художественного

текста при помощи целенаправленно отобранных в соответствии с замыслом языковых средств (в свою очередь также интерпретирующих действительность), и адресованное читателю, который интерпретирует его в соответствии с собственной социально-культурной компетенцией» [1, С. 46]. Для адекватного восприятия лингвокультурных единиц и последующего их перекодирования автор исходного текста и переводчик как рецептор оригинала должны обладать одинаковыми базовыми знаниями. Два этапа процесса перевода – текстовосприятие и текстопорождение – взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Становясь посредником в межязыковом взаимодействии, переводчик не может не учитывать прагматические аспекты перевода. Стремление переводчика к воспроизведению прагматического потенциала оригинала и достижению коммуникативного эффекта оказывает решающее влияние на выбор определенных стратегий перевода. Для устранения препятствий, мешающих рецепторам полноценно воспринять вторичный текст, в текст оригинала могут быть внесены различные преобразования. Прагматическая адаптация может протекать по пути расширения (внесение в текст перевода дополнений и разъяснений) или сокращения текста оригинала (опущение некоторых деталей), замены имплицитной информации оригинала эксплицитной в переводе, использование приемов конкретизации и генерализации [7, С. 221-226].

Необходимость в прагматических преобразованиях может быть продиктована разными факторами, среди которых В. Комиссаров немаловажное значение придает жанровой отнесенности оригинала и типу рецептора [7, С. 215]. Вопросы прагматической адаптации особенно актуальны при переводе такого жанра, как сказка. Именно в сказке как произведении народного творчества можно встретить наименования предметов быта, национальных блюд, элементов одежды, обороты речи и т.п., т.е. все то, что формирует понятие «лингвокультурный компонент» и входит в круг труднопереводимых или непереводаемых единиц. Современная теория перевода допускает возможность изменения логико-предметного содержания оригинала в тех случаях, когда перевод рассчитан на конкретного реципиента: мужчину, женщину или ребенка. «Именно поэтому при переводе детской литературы мы нередко встречаемся со значительной прагматической адаптацией текста, принимая во внимание не только фоновые знания юного читателя, но и знание им детского фольклора, национальных фольклорных традиций» [6, С. 143].

Корректная передача лингвокультурных коннотаций составляет основную переводческую задачу и является следствием «индивидуальных знаний, личностных качеств и профессионального опыта переводчика, его способности синтезировать в языковом сознании информацию, принадлежащую другой культуре» [3, С. 4].

Исследование проводилось на основе сравнительно-сопоставительного, контекстуального и лексикографического анализа.

Основные результаты

Сказки А.С. Пушкина представляют собой уникальный поэтический текст, в котором выпукло отразились реалии жизни русского народа, его ценностная картина мира. Великий поэт вложил национальный колорит в каждую из своих сказок, сумел воспроизвести «русский дух» с помощью организованной системы языковых средств, сюжетов, образов и форм. О намеренном включении национально-маркированных единиц в художественное повествование свидетельствуют факты биографии поэта, проявлявшего глубокий интерес к народному творчеству, русским обрядам, сказкам, а также анализ черновой рукописи и окончательного текста его произведений. Так, нейтральное начало «Сказки о царе Салтане» «Если б я была царица...» заменяется поэтом народным оборотом «Кабы я была царица...».

Для анализа из сказок А.С. Пушкина было отобрано около 100 языковых единиц, являющихся носителями лингвокультурной информации. При выборе языковых средств и подходов перед переводчиками вставал вопрос о принятии конкретных решений по прагматической адаптации данных единиц. Сравнительный анализ вариантов перевода сказок А.С. Пушкина на грузинский язык позволил сделать некоторые выводы о целесообразности использования тех или иных переводческих стратегий при передаче лингвокультурного содержания оригинала.

Учет фактора получателя информации, т.е. учет восприятия текста инокультурным рецептором, оказал существенное влияние на принятие решений о прагматической адаптации перевода.

При переводе единичных понятий, в частности имен собственных, основным приемом выступает транслитерация: Салтан (*სალტან*, *სალოთან*), Гвидон (*გვიდონი*), Дадон (*დადონი*), Елисей (*ელისეი*), Балда (*ბალდა*), Черномор (*ჩერნომორი*).

Для передачи имени собственного Чернавка из «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях» было использовано четыре способа перевода:

- 1) смысловой перевод на основе раскрытия внутренней формы (Чернавка ← черный → чернявый): *იხმო შავჭუხა თავის მხევალი და დააკისრა ასეთი ვალი...* (перев. А. Ахназарова);
- 2) описательная конструкция чернявая девушка: *მოსამსახურე მოიხმო მყისვე, შავჭუხა გოგო ერთგული მონა* (перев. Х. Вардошвили);
- 3) транслитерация: *იხმო მსახური ჩერნავკა, უბრძანა მეფისასული ტყეს მიყვანა, დაეგდო, გათოკილ-ხელოფებსაბმული. და შეასრულა ჩერნავკამ, უმაღ დედოფლის ბრძანება* (перев. Б. Турабелидзе);
- 4) нулевой перевод: *უმაღ უხმო და მოახლე მიეახლა შარიშურიო* (перев. А. Сулакаури).

Большинство переводчиков предпочли отказаться от перевода клички собаки Соколко, сочтя эту потерю несущественной. Лишь один переводчик «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях» заменил ее популярной у грузин кличкой собаки: *ყურმა*: «Что, Соколко, что с тобою? Ляг!» – и в комнату вошла... – (перев. А. Сулакаури). «*ყურქედანავ, ჩემო ყურმავ, დამშვიდდი და იწექ ყუჩად*». *შინ შევიდა მეფის ქალი*. В данном случае можно говорить о достижении эквивалентности между единицами первичного и вторичного текстов, так как психоэмоциональная реакция со стороны читателей обоих текстов тождественна.

Почерпнутые А.С. Пушкиным из фольклорных источников антропоним *Бабариха* и топоним *остров Буян*, ставшие широко известными в русской культуре благодаря «Сказке о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди», не прозвучали ни в одном из переводов.

В сказках А.С. Пушкина значительный пласт лексики представлен единицами, связанными с церковными праздниками, обрядами и службами: венчание, молитва под образами, зажигание свечи, ношение креста и др. Переводчики с большим вниманием отнеслись к ретрансляции наименований религиозных отпращиваний, понимая, что эта сторона текста является одним из действенных способов создания национально-культурного колорита: *Дом царевна обошла, Все порядком убрала, Засветила богу свечку...* («Сказка о мертвой царевне и семи богатырях») –

- 1) *ხატებს აუნთო სანთელი კრძალვით* (перев. Х. Вардошвили);
- 2) *დაუნთო ხატს სანთელი* (перев. А. Сулакаури);
- 3) *ხატებს აუნთო წმინდა სანთელი* (перев. А. Ахназарова);
- 4) *ხატთან მივიდა ილოცა, კრძალვით აანთო სანთელი* (перев. Б. Турабелидзе).

Лакунарность определенной части церковных реалий в переводе может возникать в результате отсутствия однословных лексических эквивалентов в переводящем языке. Так, сложность перевода церковных слов *сочельник* (согласно «Словарю языка Пушкина» – «день накануне церковных праздников рождества и крещения») и *обедня* (в «Словаре языка Пушкина» – «церковная служба у христиан, совершаемая утром или днем») была обусловлена тем, что их значение могло быть передано лишь описательно. Очевидно, описательная конструкция не подошла к стихотворному размеру перевода, и исходная единица *сочельник* была заменена иной (*сочельник* стал Рождеством): *Вот в сочельник в самый, в ночь Бог дает царице дочь* («Сказка о мертвой царевне и семи богатырях»). –

- 1) *და შობა ღამეს, ვაით და კვნესით, შობა ასული უსაცვარლესი* (перев. Х. Вардошвили);
- 2) *და მშვენიერ შობა ღამეს ღმერთმა უძღვნა მას ასული* (перев. А. Сулакаури);
- 3) *შობის ღამეა, დღესასწაული, ღმერთმა დედოფალს მისცა ასული* (перев. А. Ахназарова).

В современном переводе эту проблему удалось решить без искажения смысла исходной единицы: *ქალს შევიბნა გოგონა წინადღით ქრისტეშობისა* (перев. Б. Турабелидзе).

Большинство переводчиков отказались воспроизводить в переводе значение слова *обедня*. Попытка его передачи закончилась в одном из переводов созданием лексической замены: *обедня* – народное название церковной службы, совершаемой в полуденное (обеденное) время, – переводится словом *შუადღე* (полдень): *И к обедне умерла* («Сказка о мертвой царевне и семи богатырях»). – *და შუადღის ჟამს დაღია სული* (перев. Х. Вардошвили).

Важным средством создания лингвокультурного своеобразия сказок А.С. Пушкина являются единицы, номинирующие русские обряды, а также описание распространенных в русской культуре жестов.

Реалия *девичник* (согласно толкованию в «Словаре языка Пушкина» – «входящая в свадебный обряд вечеринка с подругами в доме невесты накануне или незадолго до свадьбы») является лакунарной единицей по отношению к грузинскому языку: *На девичник собираясь, Вот царица, наряжаясь Перед зеркальцем своим, Перемолвилась с ним* («Сказка о мертвой царевне и семи богатырях»). Для передачи значения этого слова переводчиками были использованы: а) приближенный перевод: *ქალთა ნადიმის ახლოა ჟამი* (перев. Х. Вардошвили); *სეფე-ქალებს გაუმართავთ მხიარული ტამბანდური* (перев. А. Сулакаури); б) прием смыслового развития: *საქორწილოდ რომ ემზადებოდა* (перев. А. Ахназарова); в) прием целостного преобразования, при котором не прослеживается внутренняя связь между переводимой единицей и переводом (*девичник* → *помолвка*): *დედოფალი ვი ნიშნობის დღესასწაულზე წვეული, თვის სარკეს გაესაუბრა, როგორც იყო ჩვეული* (перев. Б. Турабелидзе).

Отражение национальной культуры, традиций и обычаев русского народа можно найти и в наименованиях жестов. В русской народной традиции прошлых эпох использовался поясной поклон, которым дети выражали почтительное отношение к родителям, верующие кланялись, низко сгибая туловище, во время молитвы, а простые люди использовали этот жест для выражения учтивого приветствия перед представителями духовенства, дворянами и царем. В «Сказке о мертвой царевне и семи богатырях» этим жестом царевна почтительно приветствует богатырей: *В пояс низко поклонилась*. В грузинской лингвокультуре фразеологизм *წელში მოხრა*, возникший на основе данного жеста, имеет значения 'обессилеть, изнемогать, ослабнуть', 'лишиться сил', 'надорваться', 'очень устать', 'выбиться из сил', поэтому переводчики включили в текст описание другого жеста – наклон головы: *ამ დროს გამოჩნდა ხელმწიფის ქალი // და მათ წინ თავი დაჰხარა კრძალვით, // თან უმდაბლესი სალაპი მისცა* (перев. Х. Вардошвили); *და ღუმლიდან ჩამობრძანდა // დიდებული მეფის ქალი, // კოშკის მფლობელთ მიესალმა, // დაუხარა თავი კრძალვით* (перев. А. Сулакаури); *მეფის ასული ძირს ჩამოვიდა // საწოლიდან და მათთან მივიდა, // თავი დაუკრა და მიესალმა* (перев. А. Ахназарова); *ეჩვენათ მეფის ასული // ნაზი ღიმილით, ალალი. // მოიბრძინა, ქედმოხრით, სალაპი უძღვნა მდაბალი* (перев. Б. Турабელიძე).

К прагматически обусловленным преобразованиям переводчики прибегают при передаче значений реалий и фразеологизмов. Например, *рогатка* (в «Словаре языка Пушкина» – «железный ошейник с длинными остриями, надеваемый на шею заключенным, колодникам») переводится как *პალკა (მოუღირა მსახურ ქალს კეტი* – перев. Х. Вардошвили.), повешение (*ჩამოხრჩობით ემუქრება* – перев. А. Сулакаури), *железное ярмо (ვისრად რკინის უღელს დაგადგამ* – перев. А. Ахназарова), *адские муки (ისეთ შავ დღეში ჩავაგდებ, რომ ჯოჯობეთში იწვოდე* – перев. Б. Турабელიძე). Стремление переводчиков адаптировать единицы исходного текста к стереотипам своей лингвокультуры можно проследить и в следующих примерах: *Он пешком идти отсель Хоть за тридцать земель. – მე მზადა ვარ ცხრა მთას გაღმა // გადავფრინდე დღესვე ლაღად;* 2) *მე იმ მზათუნახავისთვის // მთავრეხილს გადავაბრუნებ. Держит Балда за уши одного зайку: «Попляши-тка ты под нашу балалайку». – 1) - ჭინკავ, დაუარე ეხლა ჩვენს ფანდურზე. Царь велит своим боярам - ნაზირ-ვეზირთ მეფე უთვლის* и др.

В сказках А.С. Пушкина активно используются термины родства (*мать, отец, сын, дочь, брат, сестра, бабушка*) и свойства (*свекровь, сват и сватья*). Все они имеют дословные соответствия в грузинском языке. Некоторые из этих слов проявляют своеобразие в русском языке и могут стать источником переводческих разночтений. Так, слово *сват* в «Словаре языка Пушкина» имеет значения:

1) «человек, занимающийся сватовством, сватающий кого-н. кому-н.», то есть посредник, который от имени жениха просит руки девушки у ее родителей, обсуждает с ними место и время проведения свадьбы, размеры приданого и др.;

2) «родители и некоторые другие родственники каждого из супругов по отношению друг к другу».

В переводах «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях» используются три варианта передачи этого слова на грузинский язык: *Сват приехал, царь дал слово – მეფეს ეწვია სიძის მზახალო* (перев. Вардошвили); *მამხანკალოც დატრიალდა* (перев. Сулакаури); *უკვე მივიდა შუამბვალო* (перев. Ахназарова). Первый вариант перевода, на наш взгляд, следует признать неудачным, так как строки *Сват приехал, царь дал слово* говорят от том, что к царю приехал отец зятя или посредник, а не сват зятя (*სიძის მზახალო*).

Аналогично, слово *сватья* в пушкинскую эпоху могло обозначать мать одного из супругов по отношению к родителям второго, а также женщину (*сваху*), занимающуюся сватовством. Об этом свидетельствуют данные «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля: «родители молодых и их родственники друг друга взаимно зовут *сватами, сватьями*», «в деревнях где нет особых свах, *сват* и *сватья* крестные родители жениха, или дядя и тетка, они и сватают». Во вторичных текстах «Сказки о царе Салтане» перевод этого слова представлен в трех вариантах: *теща (ბოფეფრო –* перев. Патаридзе), *бабушка (ბებობა –* перев. Турабелидзе) и *свах (მამხანკალო –* перев. Т. Бабуадзе). Последний вариант не соответствует содержанию «Сказки о царе Салтане», так как в одном из эпизодов сватья баба Бабариха названа бабушкой князя Гвидона (*Но жалеет он очей Старой бабушки своей*). В «Словаре языка Пушкина» лексема *сватья* зафиксирована в единственном значении – «женск. к сват во 2 знач.».

Адекватное перекодирование текста на язык перевода возможно лишь при учете широкого контекста, т.е. содержания всего произведения. Узкий контекст может привести к ошибкам в выборе соответствующих языковых средств.

Прагматические преобразования «Сказки о царе Салтане» в прозаическом переводе Т. Бабуадзе протекали по пути устранения всех национально маркированных единиц (за исключением имен ключевых персонажей сказки). При передаче поэтического произведения прозой переводчица стремилась донести до читателей лишь информацию о событиях, описываемых в исходном тексте. Целью перевода в данном случае не было создание текста, художественно и эстетически эквивалентного оригиналу, что обусловило выбор средств и подходов. Восприятие прозаического текста вторичным читателем радикально изменилось. Лакунарность, возникшая при моделировании концептуально-прагматического пространства вторичного текста в прозе, привела к деформации прагматического уровня.

Заключение

Таким образом, грузинские переводчики пушкинских сказок в прагматическом аспекте столкнулись с наличием асимметрии в семантическом выражении следующих языковых единиц в русской и грузинской лингвокультурах: в именах собственных (Салтан, Бабариха и т.д.), реалиях повседневной и культурной жизни (названиях религиозных праздников, обрядов, особенностях номинации родственных и семейных связей), фразеологических единицах. Сравнительный анализ вариантов вторичных текстов сказок А.С. Пушкина на грузинском языке показал, что переводчикам в разной степени удалось добиться успеха в обеспечении эффективного взаимодействия между переводом и его рецептором. Максимального коммуникативного эффекта достигли те переводчики, стратегия которых была нацелена на учет внутренней связи между лингвокультурными единицами исходного и вторичного текстов. Они смогли приспособить к стереотипам культуры грузинского рецептора языковые средства передачи лингвокультурных единиц пушкинских сказок. Преобразования, связанные с опущением языковых единиц, несущих в себе лингвокультурную информацию, а также принятие решения о преобразовании формы текста из стихотворной в прозаическую привели к деформации коммуникативных и художественно-эстетических намерений автора.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа / Л.Г. Бабенко — Москва, Екатеринбург: Академический Проект, Деловая книга, 2004. — 464 с.
2. Бонди С.М. Сказки Пушкина: А.С. Пушкин. Поэмы. Сказки: в 10 т.; / С.М. Бонди. — Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1960. — 3 т.
3. Бушев А.Б. Языковая личность профессионального переводчика / А.Б. Бушев. — Тверь: Лаборатория деловой графики, 2010. — 265 с.
4. Воркачев С.Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели / С.Г. Воркачев // Филологические науки. — 2005. — 4. — с. 76-82.

5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т.; / В.И. Даль. — Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. — 1 т.
6. Захарова Л.Д.. Прагматическая адаптация перевода / Л.Д. Захарова // Основные понятия переводоведения (отечественный опыт): терминологический словарь-справочник; под ред. М.Б. Раренко — Москва: ИНИОН РАН, 2010. — с. 142-144.
7. Комиссаров В.Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров — Москва: Высшая школа, 1990. — 253 с.
8. Прохоров Ю.Е. Русские. Коммуникативное поведение / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин — Москва: Наука, Флинта, 2011. — 331 с.
9. Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. : Поэмы. Сказки / А.С. Пушкин. — Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1960. — 3 т. — URL: <https://rvb.ru/pushkin/tocvol3.htm> (дата обращения: 01.08.2023)
10. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / отв. ред. Акад. АН СССР В.В. Виноградов. — 2-е изд., доп. // Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. — М.: Азбуковник, 2000. — 1 т.
11. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / отв. ред. Акад. АН СССР В.В. Виноградов. — 2-е изд., доп. // Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. — М.: Азбуковник, 2000. — 3 т.
12. Словарь языка Пушкина: в 4 т.; / Отв. Ред. Акад. АН СССР В.В. Виноградов. — 2-е изд., доп. // Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. — М.: Азбуковник, 2000. — 4 т.
13. Токарев Г.В. Лингвокультурологические особенности сказок А.С. Пушкина / Г.В. Токарев // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. — 2014 — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskie-osobennosti-skazok-a-s-pushkina> (дата обращения: 23.08.2023)
14. პუშკინი ა. ზღაპარი მეფის მკვდარი ასულისა და შვიდი დევგმირისა / ა. პუშკინი. თარგმ. არჩილ სულაკაურისა // მნათობი, 1982. — 12. — გვ. 110-117.
15. პუშკინი ა. ზღაპრები / ა. პუშკინი. თარგმ. რაფიელ ერისთავისა. — თბილისი: ელფის გამომცემლობა, 2018. — 64 გვ.
16. პუშკინი ა. ზღაპრები / ა. პუშკინი. — თბილისი: საბლიტგამი, 1949. — 92 გვ.
17. პუშკინი ა. მეფის მკვდარი ასული და შვიდი გმირი / ა. პუშკინი. თავისუფალი თარგმ. არ. ახნაზაროვისა. — თბილისი: სახელგამი, 1937. — 34 გვ.
18. პუშკინი ა. სალთან მეფის ზღაპარი / ა. პუშკინი // რუსული ზღაპრები. მთარგმნელი თამარ ბაბუაძე. — თბილისი: ბაკურ სულაკაურის გამომცემლობა, 2014. — 136 გვ.
19. პუშკინი ალ. ზღაპრები / ალ. პუშკინი. თარგმნა ბ. ტურაბელიძემ. 2017. — URL: <https://saba.com.ge/books/details/8901/%E1%83%96%E1%83%A6%E1%83%90%E1%83%9E%E1%83%A0%E1%83%94%E1%83%91%E1%83%98> (дата обращения: 12.08.2023).
20. ქართული ენის განმარტებითი ლექსიკონი. ერთტომეული. ნაკვეთი მეორე. // მთ. რედაქტორი არნ. ჩიქობავა. — თბილისი: ქართული ენციკლოპედიის მთავარი სამეცნიერო რედაქცია, 1990. — 1280 გვ.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Babenko L.G. Filologicheskij analiz teksta. Osnovy teorii, printsipy i aspekty analiza [Philological Analysis of the Text. Fundamentals of Theory, Principles and Aspects of Analysis] / L.G. Babenko — Moskva, Ekaterinburg: Akademicheskij Proekt, Delovaja kniga, 2004. — 464 p. [in Russian]
2. Bondi S.M. Skazki Pushkina: A.S. Pushkin. Poemy. Skazki [Pushkin's Fairy Tales: A.S. Pushkin. Poems. Fairy Tales]: in 10 vol. / S.M. Bondi. — Moscow: State Publishing House of Fiction Literature, 1960. — 3 vol. [in Russian]
3. Bushev A.B. Jazykovaja lichnost' professional'nogo perevodchika [The Linguistic Personality of a Professional Translator] / A.B. Bushev. — Tver: Business Graphics Laboratory, 2010. — 265 p. [in Russian]
4. Vorkachev S.G. Lingvokontseptologija i mezhkul'turnaja kommunikatsija: istoki i tseli [Linguoconceptology and Intercultural Communication: Origins and Goals] / S.G. Vorkachev // Philological Sciences. — 2005. — 4. — p. 76-82. [in Russian]
5. Dal V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language] in 4 vol.; / V.I. Dal. — Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1956. — 1 vol. [in Russian]
6. Zaharova L.D.. Pragmaticheskaja adaptatsija perevoda [Pragmatic Adaptation of Translation] / L.D. Zaharova // Basic Concepts of Translation Studies (Domestic Experience): Terminological Dictionary-Reference; edited by M.B. Rarenko — Moskva: INION RAN, 2010. — p. 142-144. [in Russian]
7. Komissarov V.N. Teorija perevoda (Lingvisticheskie aspekty) [Theory of Translation (Linguistic Aspects)] / V.N. Komissarov — Moskva: Vysshaja shkola, 1990. — 253 p. [in Russian]
8. Prohorov Ju.E. Russkie. Kommunikativnoe povedenie [Russians. Communicative behavior] / Ju.E. Prohorov, I.A. Sternin — Moskva: Nauka, Flinta, 2011. — 331 p. [in Russian]
9. Pushkin A.S. Sobr. soch. v 10 t. Poemy. Skazki [Collected Works in 10 Vol. Poems. Fairy tales]: / A.S. Pushkin — Moscow: State Publishing House of Fiction, 1960. — 3 vol. — URL: <https://rvb.ru/pushkin/tocvol3.htm> (accessed: 01.08.2023) [in Russian]
10. Slovar' yazyka Pushkina [Dictionary of the Pushkin Language]: in 4 Vols. / ed. acad. USSR Academy of Sciences named after V.V. Vinogradov. — 2nd ed., supplement. // Russian Academy of Sciences. Vinogradov Institute of the Russian Language. — Moscow: Azbukovnik, 2000. — Vol. 1 [in Russian]

11. Slovar' yazyka Pushkina [Dictionary of the Pushkin Language]: in 4 Vols. / ed. acad. USSR Academy of Sciences named after V.V. Vinogradov. — 2nd ed., supplement. // Russian Academy of Sciences. Vinogradov Institute of the Russian Language. — Moscow: Azbukovnik, 2000. — Vol. 3 [in Russian]
12. Slovar' yazyka Pushkina [Dictionary of the Pushkin Language]: in 4 Vols. / ed. acad. USSR Academy of Sciences named after V.V. Vinogradov. — 2nd ed., supplement. // Russian Academy of Sciences. Vinogradov Institute of the Russian Language. — Moscow: Azbukovnik, 2000. — Vol. 4 [in Russian]
13. Tokarev G.V. Lingvokul'turologicheskie osobennosti skazok A.S. Pushkina [Lingvocultural Peculiarities of Fairy-Tales by A.S. Pushkin] / G.V. Tokarev // Bulletin of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University. — 2014 — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskie-osobennosti-skazok-a-s-pushkina> (accessed: 23.08.2023) [in Russian]
14. Pushkin A. zghap'ari mepis mk'vdari asulisa da shvidi devgmirisa [The Tale of the Dead Princess and the Seven Knights] / A. Pushkin. Translated by Archil Sulakauri. — Mnatobi, 1982. — 12. — p. 110-117. [in Georgian]
15. Pushkin A. zghap'rebi [Fairy Tales] / A. Pushkin. Translated by Raphiel Eristavi. — Tbilisi: Elphi. — 2018. — 64 p. [in Georgian]
16. Pushkin A. zghap'rebi [Fairy Tales] / A. Pushkin. Translated by M. Pataridze, G. Tsetskhladze, V. Gorgadze, Kh. Vardoshvili, I. Abashidze. — Tbilisi: Sablitgami, 1949. — 92 p. [in Georgian]
17. Pushkin A. mepis mk'vdari asuli da shvidi gmiri [The Tale of the Dead Princess and the Seven Knights] / A. Pushkin. Free Translation of A. Akhnazarov. — Tbilisi: Sakhelgami, 1937. — 34 p. [in Georgian]
18. Pushkin A. saltan mepis zghap'ari [The Tale of Tsar Saltan] / A. Pushkin // rusuli zghap'rebi [Russian Fairy Tales]. Translated by Tamar Babuadze. — Tbilisi: Bakur Sulakauri Publishing House, 2014. — 136 p. [in Georgian]
19. Pushkin A. zghap'rebi [Fairy Tales] / A. Pushkin. Translated by B. Turabelidze. — 2017. — URL: <https://saba.com.ge/books/details/8901/%E1%83%96%E1%83%A6%E1%83%90%E1%83%9E%E1%83%A0%E1%83%94%E1%83%91%E1%83%98> (accessed: 12.08.2023) [in Georgian]
20. kartuli enis ganmart'ebiti leksik'oni [Explanatory Dictionary of the Georgian Language]. One-volume book. Part two. Chief editor Arn. Chikobava. — Tbilisi: The main scientific editorial board of the Georgian Encyclopedia, 1990. — 1280 p. [in Georgian]